

НАША СТРАНА

Год издания 78-й. Буэнос Айрес, 30 августа 2026

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 30 de agosto de 2026

No 3277

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ БЕЛОЙ ИДЕИ В БОРЬБЕ ЗА РОССИЮ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КАЗНИ ГЕНЕРАЛА АНДРЕЯ АНДРЕЕВИЧА ВЛАСОВА

Нападение Германии и её союзников 22 июня 1941 года было для Советского Союза тяжёлым потрясением не только в военном, но и в политическом плане. Война разом обнажила все скрытые до сих пор внутренние противоречия советского государства. В условиях беспощадной слежки и террора эти противоречия, разумеется, не могли принять форму открытой оппозиции. Но в оккупированных районах с прекращением деятельности аппарата НКВД разом обнаруживалась хрупкость идеологических основ советской власти. Всем своим поведением подсоветские люди демонстрировали, что высокопарные лозунги большевизмской доктрины о неразрывном единстве советского общества, нерушимой верности коммунистической партии и самоотверженном «советском патриотизме» не выдержали первого же испытания на прочность.

В районах, оказавшихся под угрозой вторжения немцев, жители всячески сопротивлялись приказам партийных и советских органов об эвакуации и уничтожении государственного имущества.

Подавляющее большинство населения встречало вражеские войска с явным доброжелательством или, по крайней мере, с выжидательным любопытством и без всякой ненависти — что полностью противоречило догме.

Ещё очевиднее проявилось это отступление от правил в поведении красноармейцев. Им издавна толковывали, что в бою они могут лишь победить или погибнуть, третьего не дано (Советский Союз был единственной страной, где сдача в плен приравнивалась к дезертирству и предательству, а солдат, попавший в плен, преследовался по закону. Но, несмотря на всю эту политическую муштровку и угрозы, к концу 1941 года в немецком плену оказалось не менее 3,8 миллиона красноармейцев, офицеров, политработников и генералов — а всего за годы войны эта цифра достигла 5,24 миллиона. Население, встречавшее захватчиков дружелюбно и открыто,

без ненависти или враждебности, миллионы красноармейцев, предпочитавших плен смерти «за Родину, за Сталина», — всё это представляло собой значительные ресурсы для политической войны против советского режима.

При известной доле воображения можно представить себе, что случилось бы, если бы Гитлер вёл войну против Советского Союза в соответствии с собственными первоначальными пропагандными лозунгами — как освободительную, а не как захватническую. Можно также сослаться на мнение русского эмигранта барона Каульбарса, доверенного лица адмирала Канариса и германского Абвера в русских вопросах, участника заговора 20 июля 1944 года, считавшего, что «создание русского национального правительства» поколеблет основы советской власти». И Каульбарс был не одинок. Генерал-майор Хольмстон-Смысловский писал вскоре после войны:

«Власов был продолжателем белой идеи в борьбе за национальную Россию. Для большевиков это было страшное явление, таившее в себе смертельную угрозу. Если бы немцы поняли Власова и если бы политические обстоятельства сложились иначе, РОА одним своим появлением, единственно посредством пропаганды, без всякой борьбы, потрясла бы до самых основ всю сложную систему советского государственного аппарата».

Как заявил на допросе в 1944 году барон Каульбарс, 80 % под-советских военнопленных выступили «за национальную русскую добровольческую армию в русской форме для борьбы против большевизма». О том же пишут Ю. Терновский и Т. Бездетный:

«Было время — в самом начале войны — когда почти все пленные были готовы сражаться против большевизма даже в рядах немецкой армии». Генерал Власов и его ближайшие сотрудники, хорошо знавшие условия в СССР, даже в 1943 году высказывали уверенность в том, что радикальное изменение курса немецкой политики на востоке привело бы к крушению сталинского режима.

Доподлинно известно, что Сталин панически боялся самой мысли о возможности появления на немецкой стороне русского правительства. И только вследствие немецкой политики в СССР, оскорбительной для национальных чувств русского народа, Сталин получил возможность поставить национальную идею на службу борьбе против иноземной угрозы своему правлению. Жёсткими мерами (напомним хотя бы о расстреле главнокомандующего Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова и генералов штаба фронта) вкупе с ловко инсценированной пропагандной кампанией советское руководство сумело в какой-то мере восстановить

подорванную мораль Красной Армии и преодолеть кризис.

Хотя захватнические планы Гитлера не допускали мобилизации потенциала антисоветских сил, это не означало, что последние бездействовали. Русское антисталинское движение, располагавшее в немецком Вермахте влиятельными покровителями и сторонниками, медленно, но верно пробивало себе дорогу даже в неблагоприятных условиях гитлеровской Германии. Несмотря на мощное сопротивление, оно все же стало «третьей силой» между Сталиным и Гитлером и после поражений и неудач в конце концов оформилось в Русское Освободительное Движение генерала Андрея Андреевича Власова.

Так как немцы препятствовали созданию русского национального правительства и тем самым отпадали предпосылки для формирования русской национальной армии, то для подсоветских граждан, желавших воевать против большевизма, имелась тогда лишь одна возможность: вступать в «земляческие объединения», организованные германским военным командованием, или же идти добровольцами («хиви») в немецкие части.

К 5 мая 1943 года добровольческие объединения в рамках германского Вермахта насчитывали 90 русских батальонов, 140 боевых единиц, по численности равных полку, 90 полевых батальонов восточных легионов и не поддающееся исчислению количество более мелких военных подразделений, а в немецких частях находилось от 400 до 600 тысяч добровольцев.

Под германским командованием состояло несколько крупных «русских» формирований (1-я Казачья Дивизия, несколько самостоятельных казачьих полков, калмыцкий кавалерийский полк).

Добровольцы освобождались прямо из лагерей для военнопленных — в последнем случае им полагалось сначала пройти подготовительные курсы при Сталаге За в Луккенвальде, где полковник В. Поздняков (которого затем сменил подполковник Б. Власов) проверял их пригодность. Все курсанты официально освобождались из плена и получали статус регулярных солдат Освободительной Армии. Их обеспечивали обмундированием — серой полевой формой с погонами (по образцу русской дореволюционной армии), украшенной трехцветной — бело-сине-красной — русской национальной кокардой, с эмблемой РОА на левом рукаве.

Начальником курсов Власов сначала назначил генерал-майора И. А. Благовещенского, бывшего бригадного командира советской береговой обороны, а с июля 1943 года этот пост занимал генерал-майор Ф. И. Трухин, бывший начальник оперативного отдела штаба Балтийского особого воен-

ного округа (Северо-Западный фронт), выдающийся руководитель, сыгравший огромную роль в создании РОА. Когда в ноябре 1944 года Трухин был назначен начальником штаба Вооруженных сил Комитета Освобождения Народов России (КОНР), во главе курсов в Дабендорфе, утративших бывшее значение, стал подполковник Г. Пшеничный.

По-видимому, в начале генерал Власов и другие руководители Освободительного Движения рассчитывали к лету 1945 года сформировать более десяти пехотных дивизий, по крайней мере один танковый полк, несколько запасных бригад или полков, офицерскую школу, группы поддержки и авиацию. На январь 1945 года было запланировано формирование третьей дивизии.

Но при этом руководители РОА считали, что дивизии первой волны — лишь начало. Внутри Вермахта имелось ещё несколько сотен тысяч русских добровольцев, а если добавить сюда солдат бывшей Русской Империи, то могло набраться до 800 тысяч человек.

В беседе с Гиммлером 16 сентября 1944 года Власов потребовал распустить добровольческие соединения и перевести их под его командование. По воспоминаниям командующего 1-й Русской Национальной Армией генерал-майора Хольмстона-Смысловского, Власов в беседе с ним предлагал объединить РНА с РОА, назначив при этом Бориса Алексеевича Хольмстона-Смысловского начальником штаба РОА, а генерал-майора Трухина — командиром РНА, преобразованной в первый корпус РОА. Второй корпус составили бы 1-я и 2-я дивизии РОА, третий — Русский Корпус и 3-я дивизия РОА. Но этот план не осуществился из-за несовпадения взглядов Власова и Хольмстона-Смысловского, считавшего, что освободительная борьба должна сводиться исключительно к военным акциям и политические требования Пражского манифеста не имеют к ней никакого отношения.

Таки или иначе, Власов полагал, что может рассчитывать на обширные человеческие ресурсы — полтора миллиона советских военнопленных и несколько миллионов так называемых «восточных рабочих» в Германии. В общем, с личным составом дело обстояло, по видимости, в высшей степени благоприятно, теоретически его хватило бы на тридцать дивизий.

Правда, и Власов и Трухин понимали, что объём формирований будет зависеть прежде всего от наличия соответствующего числа офицеров, унтер-офицеров и прочих специалистов, а также от того, удастся ли обеспечить формирования достаточным количеством оружия, техникой и транспортом. Власов признавал, что наличного командного состава

достаточно для формирования всего пяти дивизий и поэтому необходимо позаботиться об ускоренной подготовке офицеров в различных учебных заведениях и на курсах с сокращенной программой.

И всё же, как ни странно, несмотря на все эти трудности, руководители Освободительного Движения рассчитывали уже к лету 1945 года сформировать десять дивизий.

18 ноября 1944 года в своей программной речи на митинге в берлинском Доме Европы Власов говорил о том, что есть все возможности в кратчайший срок создать из Вооруженных Сил Народов России прекрасно обученную армию, готовую самоотверженно воевать за свое дело. Не менее оптимистично высказался на конференции с представителями немецкой и иностранной прессы 15 ноября 1944 года генерал-лейтенант Г. Н. Жиленков, начальник главного управления пропаганды КОНР (Комитета Освобождения Народов России). Генерал-майор Трухин в своей нашумевшей статье в газете КОНР «Воля народа» от 18 ноября 1944 года писал, что им удастся сформировать силы, которые смогут разбить... военную машину большевизма:

“Уже сейчас можно сказать, что Красной Армии будут противостоят такие войска, которые ни в техническом отношении, ни в военной выучке не будут уступать, а морально они будут её несомненно превосходить, потому что бойцы и офицеры Вооруженных Сил Освобождения Народов России идут в бой во имя великой идеи освобождения Родины от большевизма, во имя счастья своих народов. Сейчас уже можно сообщить, что Вооруженные Силы Освобождения Народов России будут вполне самостоятельны, подчинены Главнокомандующему генерал-лейтенанту А. А. Власову и будут иметь в своём составе все роды войск, необходимые для ведения современной войны, и вооружение по последнему слову техники”.

На каком основании руководители Освободительного Движения на этом этапе войны ещё могли надеяться на успех? Как ясно из слов Трухина, эта надежда покоилась в первую очередь не столько на реальной силе формирований, сколько на силе политического и пропагандного

воздействия, которой, по их мнению, обладали дивизии РОА. В 1943 году, излагая первые соображения о формировании РОА, Власов, прекрасно знавший обстановку в советской армии, исходил из того, что даже «относительно ничтожное применение силы» повлечёт за собой «действенную работу по разрушению Красной Армии и ближнего тыла». При этом он заявлял о готовности представить «подробный план», который поможет "в относительно короткий срок нанести чувствительный урон противнику, а то и вовсе сокрушить его... на престижном Ленинградском фронте, в районе Ораниенбаума, Петергофа, Кронштадта". Власов явно намекал на то, что даже высшие офицерские круги Красной Армии втайне симпатизируют идеям освобождения.

Об этом говорил также взятый в плен в декабре 1941 года генерал-лейтенант М. Ф. Лукин, командующий 19-й армией и всей группировкой сил, попавшей в окружение под Вязьмой.

В 1943 году Власов предлагал «установить связь с руководителями Красной Армии и функционерами советского правительства», которые могли бы почувствовать Освободительному Движению. Он не раз упоминал о существовании тайного «Союза Русских Офицеров». По словам доверенного лица Власова Сергея Фрелиха, Власов говорил: «Я был в приятельских отношениях с большинством генералов, я точно знаю, как они относятся к советской власти. И генералы знают, что мне это известно. Нам нет нужды притворяться друг перед другом».

Власов и его люди считали, что повстанческие настроения носят в воздухе. В 1944 году Власов и его соратники ещё лелеяли надежды такого рода. Так, Власов, вероятно, связывал определенные расчеты с командующим 2-м Белорусским фронтом маршалом Советского Союза К. Рокоссовским, с которым был хорошо знаком по прежней службе. Один авторитетный сотрудник Главного Управления Пропаганды КОНР объяснял: «Когда я сидел в Московской Центральной Тюрьме, Рокоссовскому выбили зубы. Неужели вы думаете, что он простил это Сталину?» (В этой связи интересно отметить, что в

своих воспоминаниях «Солдатский долг» (Москва, 1980) Рокоссовский, в отличие от других советских военачальников, полностью воздерживается от каких бы то ни было высказываний о Власове.

Оптимизм руководителей Освободительного Движения мог бы показаться неоправданным, если бы он не подкреплялся постоянно практическими доказательствами.

Так, уже в 1943 году оказалось, что всякий раз, когда русские формирования вступают в бой с частями Красной Армии, противная сторона проявляет явную нервозность. В качестве примера приводилось наступление бригады «Дружина» на центральном участке Восточного Фронта в 1943 году: «Они бросились вперёд с криками «ура», — говорится в донесении, — и как только красноармейцы поняли, что это наступают русские, власовцы, они тут же сдались».

Примечательные события происходили в районе 1-й Казачьей Дивизии (15-й Казачий Кавалерийский Корпус), которая с 1944 года не раз вступала в Югославию в бой с советскими силами. В рассказах казаков неизменно фигурирует упоминание о перелёте на их сторону шести советских самолетов под командованием майора. Советские лётчики, сообразив, что имеют дело с казаками, осуществили налёт на одно из формирований Тито и после этого приземлились в районе казачьей дивизии у Беловар в Хорватии. До октября 1944 года на сторону казаков перешло не меньше 803 красноармейцев.

В числе своих достижений казаки называли также полный разгром в районе Питомаки 25 декабря 1944 года советской 133-й гвардейской дивизии, откуда тоже было немало перебежчиков. Эту историю подтверждают и другие источники, указывающие, что в тот день 5-й Донской кавалерийский полк (бригада пластун) под командованием полковника И. Н. Кононова и 6-й Терский под командованием подполковника князя Карла Салмского вызвали в битве на Питомаке «значительное замешательство» в советских частях, продвигавшихся через Драву, обратив их в безудержное бегство, и захватили большие количества вооружения, в том числе пять орудий. Многообещающе

прошла и атака ударной группы РОА под командованием полковника Сахарова 9 февраля 1945 года в районе Одера. По сообщению немецкого документа, это первое неожиданное выступление части власовской армии вызвало у красноармейцев «колоссальное замешательство и удивление».

Советские солдаты из трех разных полков были взяты в плен или перебежали к власовцам. Как выяснилось на допросах, пленных было бы значительно больше, если бы красноармейцы не сочли использование их соотечественников на стороне противника всего лишь военной хитростью немцев.

Конечно, речь шла только об отдельной конкретной акции, о «пробном камне», как выразился Власов, но тем не менее эта реакция противника могла свидетельствовать о том, что не всё еще потеряно. Выступая в Карлсбаде 27 февраля 1945 года, Власов заявил:

“Наши идеи бессмертны, офицеры и солдаты Красной Армии на тех участках фронта, где им противостоят наши части, встречают офицеров и солдат РОА как кровных братьев и присоединяются к ним для борьбы против большевизма”.

В самом ли деле так оно было или же Власов выдавал желаемое за действительное — судить трудно. Но во всяком случае имелись признаки того, что со временем руководителям РОА удалось бы перетянуть на сторону Освободительного Движения хотя бы часть подсоветских солдат, своих братьев в красноармейской форме.

Генерал-майор Трухин так выразил эти надежды: “Бойцы и офицеры Красной армии, рабочие, крестьяне и интеллигенция советского тыла — это наши друзья, зачастую сегодня это наши единомышленники, а завтра они будут нашими соратниками по оружию, они вместе с нами пойдут в бой против большевизма. Мы будем мужественно, не на жизнь, а на смерть сражаться против Красной Армии, поскольку она является орудием в руках большевизма, но в каждом красноармейце и офицере мы видим нашего завтрашнего соратника”.

Увы, судьба решила иначе.

Е. Фокин

РОССИЙСКАЯ СВОБОДА - ЭТО РОССИЙСКОЕ ДЕЛО

Украина ведёт интенсивные атаки на нефтеперерабатывающие предприятия по всей стране. Сие вызовет значительные проблемы для путинской экономики и истощение ресурсов для ведения войны.

Однако верхушка РФ живёт в другой реальности, в которой у них с экономикой полный порядок, инфляция терпимая, с бензином проблем нет, население единодушно поддерживает войну, а гибель на фронте сотен тысяч людей – это просто "сопутствующие потери".

А для тех, кто чем-то недоволен, у них есть полиция, ФСБ, Следственный Комитет, прокуратура, Рос-гвардия, послушные судьи и тюремно-лагерная система.

Вот почему при ухудшении военного или экономического положения и росте протестных настроений синхронно будут усиливаться и политические репрессии. В совковой истории хватает примеров, когда растущее недовольство на фоне народных бед было на корню подавлено

жесточайшим террором. Например, во времена Гражданской войны или Голодомора. Совковая власть никогда не жалела сограждан ни для нужд войны, ни для защиты своей неприкосновенности.

Иные оппозиционные мечтатели возлагают все надежды на победу Украины, что якобы откроет окно возможностей для переустройства политической жизни в РФ.

Возлагать надежды на силу украинского оружия не только наивно, но и аморально. Наивно потому, что Украине нет никакого дела до внутренней жизни РФ. Никто не приедет в Москву на «Абрамсе» и не подарит жителям ни оккупационный режим, ни свободу. Это нереально.. Само же по себе гипотетическое военное поражение может подтолкнуть общество к протестам, но на этот случай у Кремля есть богатый набор репрессивных инструментов. И богатый опыт их применения.

Расчёты на военную победу Украины очень популярны среди

новой политической эмиграции из РФ. Отчасти потому, что ничего другого она сделать не может.

Рассчитывать на победу Украины как на путь к освобождению России от диктатуры – недостойный расчёт для оппозиционеров. Ковать победу надо собственными руками, а не чужими, причём враждебными всему русскому, а не только Путину.

У белых эмигрантов-монархистов был хороший лозунг: «Будет сделано лишь то, что сделаешь ты сам». Этот лозунг был рождён горьким опытом: предательством Белого Движения странами Антанты, экономической помощью Запада в деле индустриализации СССР, выдачей антикоммунистических военных формирований в конце Второй Мировой, Ялтинскими соглашениями, отдавшими на растерзание Сталину страны Восточной Европы. Никому до наших бед не было никакого дела. В лучшем случае выражала "крайнюю озабоченность".

Так остаётся и теперь. Не

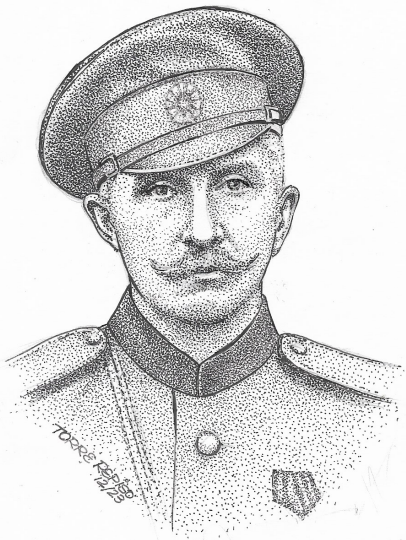
случись войны с Украиной, Запад продолжал бы ублажать диктатуру в РФ, независимо от того, кто сидит на верхушке кремлёвской вертикали власти. Закончится война, и западные политики постепенно вернутся к прежнему – взаимовыгодной торговле, совместным проектам, обмену любезностями и наплевательству на то, что творится внутри России.

«Это не наше дело, – решат они как всегда, – пусть разбираются сами». Это не особое отношение к России, это Realpolitik. Разве не так было в начале этого года, когда Запад спокойно проглотил расстрел десятков тысяч демонстрантов в Иране? Разве на экономические интересы Запада как-то влияет коммунистический террор в Китае? Таких примеров немало. Российская свобода – это российское дело. Не стоит рассчитывать ни на чью-то симпатию, ни на иностранное оружие.

Николай Греков

С верой в Россию

К 157-летию со дня рождения генерала Петра Николаевича Краснова

«Что бы ни случилось — не смей возненавидеть Россию. Не она, не русский народ — виновники всеобщих страданий. Не в нём, не в народе лежит причина всех несчастий... Россия была и будет. Может быть, не та, не в боярском наряде, а в сермяге и лаптях, но она не умрёт... Всё переменится, когда придут сроки... Воскресение России будет совершаться постепенно, не сразу. Такое громадное тело не может сразу выздороветь. Жаль, что не доживу...»

Эти проникновенные слова осознания бед своего народа и родины Пётр Николаевич Краснов — бывший донской атаман, опальный генерал, христианин и патриот, успел сказать вну-чатоному племяннику Николаю во время последней их встречи на Лубянке незадолго до казни.

Споры о личности генерала Краснова велись и ведутся до сих пор, вот уже на протяжении многих десятилетий. Сторонники Петра Николаевича видят в нём одного из вождей священной борьбы с бесовской коммунистической властью, поработившей Россию. Для других Краснов — подлый предатель, сознательно вступивший в сговор с нацистской Германией в годы Второй Мировой войны.

Объединяет участников спора с обеих сторон одно, но очень существенное обстоятельство: генерал Пётр Краснов, на самом деле, до конца дней своих оставался врагом советской власти. Принципиальным. Последовательным. Непримирым.

Но непримиримая ненависть генерала к советской власти, готовность бороться с нею до последнего вздоха не означает его ненависти к России. По отношению к своей Родине Краснов оставался верным. Он любил родную землю, как сын любит свою мать, ибо не мог иначе: иное отношение к России означало бы предательство всех идеалов, которым служило не одно поколение рода Красновых.

«Казаки от казаков ведутся», — всегда убеждённо отвечали на казачьих землях на вопрос, откуда произошло их коренное население.

В самом деле, история многих казачьих родов уходит в глубокую старину. И историю эту очень хорошо знали, ею гордились, передавали из поколения в поколение.

Род Красновых — один из самых известных на Дону, давший казачеству и России немало офицеров, атаманов, деятелей науки и культуры.

Хотя сама фамилия Красновых известна на верхнем и среднем Дону давно, однако упоминаться в качестве особо отличившихся в боях Красновы стали со времён Семилетней войны 1756-1763 гг.

Генерал Иван Козьмич Краснов — прапрадед Петра Николаевича Краснова — был в начале XIX века атаманом Бугского войска, а затем стал одним из героев Отечественной войны 1812 года.

С тех пор Красновы — офицеры и интеллигенты — неизменно на виду: командуют частями и соединениями, служат в гвардии, среди них немало учёных, даже столичный оперный певец.

Особенно известен (и не только в казачьей среде) первый из них — казак станицы Каргинской, блестящий военачальник, войсковой атаман, известный писатель, исследователь, оставивший географические очерки о Сибири, Дальнем Востоке и Африке, один из признанных вождей и авторитетов русской эмиграции: Пётр Николаевич Краснов.

Он родился 10(22) сентября 1869 года в семье генерал-лейтенанта Николая Ивановича Краснова, служившего в главном управлении иррегулярных войск, писателя и историка казачества.

Следует отметить, что известны были и старшие сыновья Николая Ивановича — Андрей был ботаником, географом, основателем Батумского ботанического сада, а Платон — математиком, признанным специалистом по железнодорожным тарифам, переводчиком и литературным критиком.

Пётр Николаевич был одним из тех генералов, что не просто не смогли принять катастрофы 1917 года, развала армии, но и пытались, насколько это было в их силах, противостоять надвигающейся беде.

Уже 25 октября Краснов выступил со своим 3-м Кавалерийским корпусом на подавление Кольшевицкого мятежа в Петрограде. Чудом избежав гибели, он затем уехал на Дон, где стал одним из руководителей стихийного выступления донских казаков против вторгшихся отрядов так называемой Красной Гвардии — фактически банд грабителей и насильников.

На знаменитом «Круге спасения Дона» Пётр Николаевич 3 мая 1918 года избирается Войсковым Атаманом. Нелёгкое это было время — после гибели атамана Каледина Войско находилось на пороге гибели в море хаоса и анархии.

Условием согласия принять избрание Кругом Краснов поставил утверждение представленных им Основных Законов Войска Донского. Дон, согласно этой своеобразной конституции, до восстановления России становился самостоятельным государством.

Краснов сплотил казаков, очистил территорию Донской Области от шаек бандитов (до его избрания от большевиков был освобождён лишь небольшой район вокруг Новочеркасска), установил твёрдую законную власть, избранную народом.

Сохраняя в целом преемственность от законодательства Российской Империи, донская конституция осуществляла многие чрезвычайно важные реформы в армии, землепользовании, самоуправлении и других сферах жизни Дона.

Будучи сторонником тесного союза казачьих областей, Пётр Николаевич одновременно придерживался прогерманской ориентации. Убедившись неоднократно в нежелании «союзников» — стран Антанты — реально помогать Белому Движению, казачьи вожди пошли на союз с теми, чьи войска, находясь на территории России, уже вступили в бой с красными.

Именно через казачьи земли шло снабжение Добровольческой Армии немецким оружием и боеприпасами. Что, впрочем, не мешало тому же Деникину неоднократно высказывать пл адресу Краснова обвинения в сотрудничестве с «врагами России».

Самостоятельность казачьих войск П. Н. Краснов видел не как независимость от России, а как способ оградиться от большевицкого режима, сберечь на казачьих землях остатки прежней российской жизни и плацдарм для будущего возрождения всего государства. 16 августа 1918 года на Войсковом круге в Новочеркасске Пётр Николаевич говорил: «Спасут Россию её казаки! И тогда снова, как встарь, широко развернётся над дворцом нашего Атамана бело-сине-красный флаг — Единый и Неделимой России! ...»

В этом заявлении нет никакого противоречия с известными действиями Краснова по утверждению казачьей автономии. В одном из писем уже 1940 года он утверждает: «Казаки и казачьи войска, как автономные самоуправляемые Атаманом и Кругом области могут быть лишь тогда, когда будет Россия. Значит, все наши помыслы, устремления и работа должны быть направлены к тому, чтобы на месте СССР — явилась Россия».

В изгнании Пётр Николаевич продолжал активную деятельность, участвуя в работе казачьих организаций. В эмиграции раскрылся и Краснов — талантливый и плодотворный писатель: здесь им издано более 30 романов — в большинстве исторических, охватывающих весь период существования России и казачества, и множество рассказов, очерков, статей, переведённых на несколько десятков европейских языков.

Только в Германии в межвоенный период было продано, по неполным оценкам и только на немецком языке, более 2-х миллионов экземпляров книг П. Н. Краснова.

Сам Краснов не считал себя «генералом от литературы» или даже «офицером» на литературном поприще, современники же высоко оценивали его дарование. «По его романам будут изучать эпоху», — писала эмигрантская пресса. «Не одному поколению ещё много и много лет будут рассказывать книги Краснова о жуткой осени Великой России, о тоске падающих на землю золотых осенних листьев. Ославных победах сильного духа над слабым телом, о героических подвигах, о чести и гордости Русского Офицера, о доблести и жертвенности русского солдата, которых он так хорошо знал и преданно любил».

Наиболее известны воспоминания Петра Николаевича о Первой Мировой и гражданской войнах, исторические произведения, размышления о событиях 1917

года — многие из этих произведений уже нашли своего читателя в современной России. В них автор пытается определить причины грандиозного катаклизма, потрясшего Россию в XX веке, давая событиям начала минувшего столетия религиозную трактовку: борьба происходит между небом и землёй, между Богом и дьяволом.

Светлое и тёмное постоянно присутствуют в книгах Краснова, занимают умы героев повествования. Подобно умелому врачу, в своём профессионализме имеющему право на цинизм, Краснов вскрывает все язвы, нарывы на «теле» общества, беспощадно изображая виновников русской катастрофы, будь то представитель высшего света или простой рабочий, великоросс или еврей. «Нет ни эллина, ни иудея...» Есть только Вера в Христа или поклонение дьяволу. Выбор — за человеком...

Красновское восприятие революции и последовавших за ней кровавых событий совершенно естественно для глубоко религиозного человека. Когда рушилось всё, что считалось незыблемым, когда оказались растоптанными веками сложившиеся основы жизни, когда многим было уже непонятно, где добро, а где зло, где преступление, а где подвиг, у свидетелей революционных событий действительно возникала мысль о дьяволе, которому нужно дать решительный отпор.

Страницы произведений Краснова становятся полем битвы двух Росий — двух непримиримых начал. Одна Россия — пьяная, ленивая, бунтовская, уродливая, отчаянная и отчаявшаяся, никчёмная и гнилая, готовая предать всех и вся, погубить все заветы предков. Здесь нет места Христу: миром правит дьявол, руками своих сторонников руша храмы, убивая священников, уничтожая саму суть исторической Святой Руси — человеческое в человеке».

Книги П. Н. Краснова продолжают тему, поднятую несколькими десятилетиями ранее Ф. М. Достоевским. Всё творчество Достоевского пропитано болью за духовную нищету россиян, не только в «Бесах» он вплотную подошёл к изображению той модели общества, которая может восторжествовать в России, воспользовавшись отсутствием духовной силы.

«Мы сначала пушим смуту... Мы проникнем в самый народ. Наши не только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются. Такие только мешают. Слушайте, учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развратнее своих жертв, и чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтобы испытать желание, уже наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о. наших много, и сами того не знают! ... Но это лишь ягодки. Русский Бог спасовал перед «дешёвкой». Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а в судах: «двести розог, или тащи ведро» О, дайте взрасти поколению! Только некогда, некогда ждать, а то пусть бы они ещё попьянее стали!

Ах, как жаль, что нет пролетариев! Но будут, будут, к этому идёт...»

Но если Достоевский своим романом «Бесы» нарисовал портрет тех, кто только замышлял программу низвержения Бога и воцарения царства дьявола – через вседозволенность, потакание самым низменным порокам, то со страниц романов Краснова на читателя в упор смотрят мрачные физиономии наследников «бесов» Достоевского, на деле претворяющих идеи своих «отцов».

Катастрофа, постигшая Россию, - не вымысел писателя. Он - свидетель и непосредственный участник многих событий. «Я видел богатую, счастливую Русь, и не могли заслонить широких картин её довольства ни нищие на папертях церквей, ни арестанты в арестантских вагонах... Я знал, что и над ними простёрта Рука Господня. Ибо всегда был тот, кто считал их ближними своими, кто творил им милостыню и помогал им - Христа ради!... И я видел на завалинке... какого-то жалкого, ко всему равнодушного человека.... Чья-то дьявольская сила выпила у него охоту жить, желание и силу для борьбы, пропала совсем его воля».

Произведения П. Н. Краснова подобны драгоценным камням, связанным одной нитью в прекрасное ожерелье. У каждого из них, будь то короткий рассказ или многотомный роман-эпопея, есть свой сюжет,

свои герои, нередко встречающиеся на страницах разных романов. Каждый из этих «камней» ценен по-своему, а вместе они объединены болью автора за поруганную Россию и Верой, что настанет момент, и воспрянет Русь настоящая - христианская, богатырская и скинет бесовскую власть.

В отличие от многих эмигрантов, Краснов не строил иллюзий относительно помощи со стороны Запада. Он прекрасно помнил эту «помощь» в годы Гражданской войны, вбивающую клин в отношения между им, атаманом Донского войска, и генералом Деникиным. И в своей публицистике, и в художественных произведениях он призывает опираться в борьбе против советской власти только на собственные силы. Верит, что и в «подсоветской» России есть много тех, с кем возможен союз.

Будучи монархистом, Краснов свои убеждения переносит и на страницы художественной прозы. Его идеалом являются сильная власть самодержавного монарха, опирающаяся на авторитет Православной Церкви. Но дорога к этому идеальному, на первый взгляд утопическому государству, очень трудна и требует от каждого полной самоотдачи и работы над собой. В фантастическом романе «За чёртополохом» он описывает Россию будущего, где каждому найдётся дело по душе, где будут созданы все условия для развития

здорового справедливого общества...

В годы Второй Мировой войны Краснов занимает чёткую прогерманскую позицию, видя в Германии союзника в деле возможного возрождения Свободной России, становится начальником Главного Управления Казачьих Войск, координировавшего создание казачьих частей в составе немецкой армии.

В мае 1945 года в составе Казачьего Отдельного Корпуса (или, как его чаще называют – Казачьего Стана) Краснов сдался в плен англичанам. Находился он в лагере неподалёку от австрийского городка Лиенц вместе с другими казачьими офицерами, десятками тысяч казаков и членов их семей.

28 мая под видом проведения некоей «конференции» англичане собрали всех казачьих офицеров и передали их, в нарушение ранее данного казакам слова, в руки НКВД. Дальше – следствие, суд и казнь 16 января 1947 года.

Среди обвинений в измене Родине, антисоветской агитации, и так далее, предъявленных Петру Николаевичу, ему вменялось, что он «написал более 30 романов, которые по своему содержанию являются сгустком его ненависти к СССР, лжи и клеветы на советскую действительность, вождей ВКП(б) и руководителей советского правительства, извращённо отражал строительство

бесклассового общества, клеветал на колхозный строй».

Спустя пятьдесят лет, 25 декабря 1997 года Военная коллегия Генеральной Прокуратуры Российской Федерации посчитала этот пункт обвинения 1947 года определяющим в отказе в реабилитации верного сына исторической России, «казака станицы Каргинской, Верхне-Донского округа Земли Всевеликого Войска Донского и почётного казака станиц: Старочеркасской, Новочеркасской, Аксайской, Гниловской, Елисаветовской, Манычской, Мечетинской, Хомутовской, Кагальницкой, Новониколаевской, Богаевской, Раздорской, Константиновской, Семикаракорской, Цымлянской, Нижне-Курмоярской, Нижне-Кундрюческой, Атаманской, Великокняжеской, Гундоровской, Каменской Луганской, Усть-Бело-Калитвенской, Нижне-Чирской, Суворовской, Усть-Медведицкой, Вешенской, Урюпинской войска Донского и станицы Марьинской Терского войска Петра Николаевича Краснова.

Для власти, объявившей Российскую Федерацию правопреемницей СССР, для страны, где, как грибы, растут новые памятники Сталину, Дзержинскому и им подобным, генерал Краснов остаётся врагом.

Дмитрий Филиппчук

ТОЛЬКО 40.000 ВИНОВНЫХ?

В своё время общество «Мемориал» опубликовало справочник «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935—1939», в котором приводится краткая информация о 40.000 чекистах, которые осуждали «Большой Террор».

Однако все члены нынешнего правительства, начиная с самого Путина, представителей советских спецслужб приветствуют.

Надо бы давно отказаться от политкорректных попыток свалить вину за советские злодеяния на лишь 40.000 человек. В них участвовали к концу 1930-х практически все оставшиеся на легальном положении миллионы совков через круговую поруку решений, принимавшихся на служебных, производственных и колхозных собраниях против «врагов народа». НКВД был пистолетом в руках этих совков.

В репрессиях повинны все, кто тай-но или явно не боролся с советской общественно-государственной системой, с оружием в руках, силой слова или молитвы. За вычетом этих людей, большая часть из которых в 1930-х принадлежала к Катакомбной Российской Церкви, а в 1940-х воевала в Русском Освободительном Движении против войск Красной Армии, а затем была объявлена советской властью «предателями» и коллаборационистами», - остальные были коммунистами, стукачами и убийцами.

Проблема не в давно умерших чекистах, а во всё ещё, к несчастью для планеты, не прошедших через процесс принудительной десоветизации, имеющих права, собственную государственность и остающихся, несмотря на кровь мучеников, вопиющую к небу, в здравии и довольстве, в живых.

А. Григорьев

ЧЕРЧИЛЛИАНЕ И ЖЕРТВЫ ЛИЕНЦА

Первого июня 1945 года произошла выдача казаков в Лиенце на расправу Красному Зверю. В этот день матери отрывали младенцев от груди и кидали их в реку лишь бы дети не достались советским и не были бы выращены в безбожии в СССР.

В этот день на специально сооружённых помостах в центре шестидесяти-тысячного Казачьего Стана шло богослужение и убитых советскими пулями священников сменяли другие, одного за другим.

Покуда живы те, кто хранит о красноармейцах благодарную память мы будем напоминать богоотверженным потомкам красного отребья об убиенных безоружных и молящихся русских православных христианах, мужчинах, женщинах, стариках и детях, каждый день и каждый час.

И, верю, скорбный, возвышенный и трагический день поминовения 1-ого июня когда-нибудь заменит в отечестве "праздник 9 мая", ибо в 1-ом июня 1945 года как в зеркале отражается весь суммарный итог для народов России и Европы той священной христианско-богоборческой войны. Бог не в силе, а в правде, Бог с христианами, а не с богоборцами, как бы они не были сильны.

Святые новомученики Лиенца, молитесь Бога о нас!

С нами шестьдесят тысяч Новомучеников только в Лиенце (а суммарно много миллионов убитых красными после войны безоружных русских, болгарских, румынских, сербских православных христиан).

Жертв Лиенца отдали в когти Сталина не англичане, а черчиллиане. "Англичане" говорить не хочу, потому что это будет огульным обобщением, несправедливым словом по адресу выдающегося народа.

Зачем Лондон воевал в той войне на стороне СССР? Ведь её итогом для Англии явился крах колониальной системы, национальная катастрофа, не говоря уж о людских потерях и послевоенной нищете. Ответ на вопрос "Зачем" следует искать в биографии друида Черчилля и его советника Алистера Кроули, "человека-зверя", сатаниста №1.

Георг VI, младший брат ушедшего-уйдённого Эдуарда VIII, твёрдого германофила, был застенчивым заикой, занимавшимся всю жизнь с логопедом, и не имел никаких интересов в политике. Разумеется, этот король был стопроцентной послушной марионеткой Черчилля и его группировки. Кстати, после войны короля-заику **усыпили** (ужас эвтаназии понятен только в контексте христианского мышления). Осквернившаяся связями с советчиной британская элита убила собственного короля.

Георг VI слушался и Чемберлена, и даже хотел отправить немцам накануне войны самое необходимое послание о необходимости мира... А Эдуард VIII не менял одно на другое (в истории английской монархии полно прецедентов неравнородных браков), его вынудили уйти именно из-за его политических прогерманских взглядов.

Уже на продолжении своего краткого царствования

он выступал против вмешательства во внутренние дела Германии, поддерживал Муссолини в его действиях в Эфиопии, постоянно вступал в конфликт с правительством по политическим вопросам. Потом была придумана история "о любви" (которая была, но не была в вопросе оставления им трона главной причиной) .

О кончине Георга VI - как позже стало известно, с целью сокращения его страданий было решено вручить ему смертельную дозу усыпляющего препарата: <http://sarcoins.ru/page.html?id=17>

Об этом проговорился сам британский королевский дом спустя пятьдесят лет после позорного об этом факте молчания. Никто не осудил этого, и никто этого не помнит. Как не осудили и не помнят расстрел сына полковника Москардо, как никто не осудил и не помнит расправу ни над Власовым, ни над Красновым и Шкуро, как никто не осудил и не помнит массовые изнасилования и убийства, творимые носителями красного вируса во время своего наступления на Германию. Зато все охают при отретушированных фотографиях, где немецкие солдаты вешают всех и вся (только почему-то в совершенно не соответствующих этому виду казни позах). Мы живём в сумасшедшем мире.

Вечный покой даруй умученным в Лиенце, Господи, и свет вечный да светит им. Вечная им слава и память.

Б. Глебов